

Ирма Гарич

ТРИО
НАДВОЕ
НЕ РАЗДЕЛИТЬ

серия «Тёмная сторона воронов»

18+

Ирма Гарич

Трио надвое не разделить

<https://litres.ru/74237373>

SelfPub; 2026

Аннотация

3 книга в серии «Темная сторона воронов»

Одна девушка, которая никогда не любила.

Родные братья, верные друг другу.

Кай – яркий, ласковый, жизнерадостный. С ароматом имбирной горчинки, нотками карамели и летнего солнца. Согривал в любую погоду. Любил.

Я оттолкнула.

Ивар – мрачный, жесткий, двуличный. С ледяным ароматом полынной горечи. Обжигал холодом. Ненавидел.

Он оттолкнул.

Я не думала, что так сложно любить. Я вообще об этом не думала.

Как сделать выбор? Сбежать было бы проще, но не в этот раз.

Сердце надвое не разделить. И без правой половины, и без левой – итог все равно один.

Одна девушка.

Двое мужчин.

Разные судьбы.

Содержание

Внимание!	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Трио надвое не разделить

Внимание!

Возрастное ограничение 18+.

Роман содержит сцены эротического характера.

Все имена, персонажи, события и некоторые места являются вымыслом автора.

Любое совпадение с действительностью случайно.

Роман носит исключительно развлекательный характер и не имеет цели оскорбить или ущемить чьи-либо права, а также не является пропагандой и не призывает к каким-либо действиям.

Если ваши чувства были случайно задеты, автор приносит глубочайшие извинения.

Пролог

Всем привет!

Я Тори Воронова (назовете Викторией или Викой – хрен отзовусь). Я – плохая девочка. Эгоистичная. Вбалмошная. Упрямая. Беспечная искательница приключений.

И не люблю людей. Совсем. Возмутительно? Зато честно. Знаете, когда мне говорили... эмм... неважно что, я всех посылала на хрен. У меня на все было и есть свое мнение. Скорее всего, погрозите указательным пальцем: *«Ай-ай-ай, как нехорошо»*. А я в ответ предъявлю средний. Поверьте, ничего личного.

Во мне нет ненависти, всего лишь привычное равнодушие. Я не умею любить. Не знаю, каково это, не чувствую, поэтому *«любовь»* для меня – бессмысленное слово.

И все же некоторых не люблю чуть меньше, чем остальных. Может, и с вами сложится. В любом случае, давайте знакомиться.

Мне двадцать пять.

Натуральная блондинка с глазами цвета аквамарина. *Насыщенно голубые с зеленоватым ободком вокруг зрачка* – по мнению одного из тех, кого трахнула и забыла. Метр семьдесят, пятьдесят девять килограммов. Волосы до середины спины оттенка персиковой клубники. Губы пухлые. Пирсинг в левом крыле носа. Ноги стройные. Руки изящные. Грудь шикарная (полная троечка). Талия узкая. Задница упругая. В общем, красотка каких поискать. Улучшенная версия женского пола сами понимаете кого. Не понимаете? Красавчи-

ка-подлюки Виктора «*Вики*» Воронова – миленького придурковатого братца. И да, с самооценкой у меня все в порядке.

Интересует что-то еще? Ну? Нет? Что ж. Не хотите – не надо.

Аннет (та, которая стала Вр́анич) говорит, что я легкомысленная, *без царя в голове и с шилом в заднице*. Да, такая. И что?

Обожаю развлекуху – пьянки – гулянки. И качественный секс, потому что некачественный зачем?

Еще Аннет говорит, что временами бываю излишне любопытной, резкой и беспардонной. Да, такая. И что?

Муж? Дом, дерево, сын? Серьезно?!

Считаете безмозглой поверхностной куклой? Думаете, по интеллекту не отличаюсь от белки-летяги? Мелкая, как надувной детский бассейн? Пустышка? И что? Нам детей не крестить.

Я давно просекла, что туповатой очаровашкой-блондинкой быть выгодно. Безупречное алиби. Нет ожиданий. Спрос невелик. Зато слюни по пояс и лютая зависть.

Возможно, чтивом разочаруетесь. И что? Проблемы не мои. Заскучаете – смело захлопывайте, поберегите зрение.

Так. Заметки натуралиста. Обычно строчу короткими фразами. Пятнадцать сообщений подряд. Два предложения в итоге. Могу по-другому, но не хочу портить имидж.

Да, могу. В школе единственным авторитетом для меня была Светлана Андреевна. Учитель русского и литературы,

сестра Таши Дерёвны (с легкой руки Вики). Она приносила книги, обсуждала, поддерживала интерес, отправляла сочинения на конкурс. Повторяла, что без чтения нет писателя. Согласна, но... тупые куклы не читают. Слишком много букв. Однако ради вашего удобства поднапрягусь. Постараюсь длинно и заковыристо, но обещать не могу. Не обольщайтесь.

В крайнем случае запытаю подругу теплой текилой. Подправит. Потому что теплая текила без соли и лимона – мерзость, а папа – филолог. Хочешь не хочешь, а заговоришь культурно. Кстати, это она посоветовала вести дневник. И обязательно рукописный. Что ж.

Так. Внутренний голос. Если знакомы с ее мемуарами, догадываетесь, о чем речь. Я со своим предпочитаю вообще не разговаривать. Обычно не церемонюсь: что на уме, то и на языке. А он потом за эту правду выносит мне мозг. Ну и зачем?

Кстати, про «что на уме...». Матерюсь. С удовольствием и фантазией. Не стесняюсь. Осуждаете? И что? Вот скажите, чем можно заменить слово «п....ц»? Столько значений, на все случаи жизни. Исключительно ради вашего целомудрия постараюсь помягче, но обещать не могу. Не обольщайтесь.

Так. Теперь точно закончила.

Нет, не закончила.

Секс есть секс, как не назови. Как ни припудривай стыдливым румянцем, нефритовым стержнем и пещерами. И за-

нимаются им, и оргазмы получают (по бóльшей части), и подходящие слова имеются. В мельчайших деталях описывать захватывающую интимную жизнь не стану. А то вдруг у кого-то случится истерика, нервный срыв, крушение мира. Неконтролируемый приступ зависти тоже не круто.

Если все же нежную душу коробит от *«твердого горячего члена во рту»*, то вам не сюда. И все же ради вашего спокойствия поднапрягусь. Постараюсь помягче, но обещать не могу. Не обольщайтесь. Единорогов и розовых мотыльков не ждите.

Так. Теперь точно все.

Захотите – поймете, не захотите... И что?

Вам все еще интересно?

Начинаем.

Краткая предыстория

Да, меня считают махровым нарциссом. Считают, что задралась, задрала нос, возомнила себя королевой. И что? Ни капли не стыдно. Я не злюсь. Просто фыркаю. Предъявляю средний палец. Отряхиваюсь и иду дальше. Но внутри... пустота. Одиночество. И вина, которую не искупить, как не старайся.

С тех пор, как погибли родители (мне было семь), я скучала по ним. Дико скучала. Когда были рядом – не ценила. В тот день мы поругались из-за ерунды. Встала не с той

ноги. Подавилась склизкой овсянкой. Отказалась надевать в школу брюки, потому что накануне они вышли из моды. Уперлась. Я же была самой стильной первоклашкой. Мама упрасивала, нервничала, торопила. Папа вспылил, шлепнул по заднице. А зря. Я мстительная. Им надо было успеть на вокзал, забрать у проводника документы, а потом мчаться за подарком. Вики исполнялось тринадцать. Так что время поджимало, а терпение лопнуло. Меня насильно упаковали в штаны, нацепили кусачий свитер и затолкали в машину. В душе я рвала и метала, но капризно молчала. Выскочив перед воротами, зло крикнула: *«Ненавижу! Видеть вас не хочу!»*. И, чувствуя себя победительницей – поверженной, но не сломленной, – специально грохнула дверь. Знала, что папа придет в ярость. Знала, что мамин день будет бесповоротно испорчен. Вот такая я сука.

Будьте осторожны с желаниями, помните? Родителей не увидела даже на похоронах. Они лежали в закрытых гробах, искореженные и обожженные. Жутко больно, но слез не было.

Жизнь разделилась на «до» и «после». Именно тогда появились они: пустота, одиночество и вина. И чертов внутренний голос, не умолкавший ни на минуту.

Ты виновата в их смерти.

Ты все испортила.

Тебя никто не полюбит.

Нам с Вики повезло. На улице не остались, в детдом не

попали. Милош и Дияна Вранич забрали к себе. Я снова не оценила. Замкнулась. Месяц не выходила из комнаты. Выбиралась только умыться и в туалет. Почти не ела, не училась (даже на удалёнке). У кабинета психолога закатила истерику и сбежала. Меня уговаривали, пытались подкупить игрушками, настаивали, но потом плюнули. Дольше всех не сдавался Вики. Приносил еду, скребся под дверью, часами болтал сам с собой. А потом и он перестал.

Никто не замечал, как мне плохо. Никто.

Заговорила спустя три месяца, с трудом ворочая языком. Глубоко спрятав чувства. Ни радости, ни мечты.

Никто не замечал, как мне плохо. Никто.

Годам к шестнадцати отточила мастерство преображения. Вызывающе сексуальная *прелесть* – *какая* – *глупенькая кукол*ка, притягивающая взгляды. Или *Снежная королева*, отталкивающая холодностью и сарказмом. По настроению. Забывалась в алкоголе, развлечениях, сексе. Круто было первые пару лет, а потом привыкла и не могла по-другому.

Забыла, *какая* на самом деле та, которая хотела любви.

Училась я кое-как. А зачем красоте образование? Стройная фигура, роскошные сиськи, томный взгляд, брендовые шмотки. Все, что нужно для жизни. Получив аттестат со средним баллом ниже четверки, забила на понтóвый выпускной. Умотала с Вики в Москву, где продолжила развлекауху – пьянки – гулянки и разнузданный секс. Братец не возражал: сам дебоширил и укладывал все, что плохо лежало. Кобель.

Квартира со свежим ремонтом. Новенькая машина. Работать не надо: деньги по первому требованию. Вóроны как будто пытались возместить то, что возместить невозможно.

Казалось бы, что еще нужно?

Я не ценила. Все еще в глубине души продолжала глупо надеяться, что кто-то полюбит.

За мной ухаживали, забрасывали подарками. Некоторые звали замуж. Я не ценила. Скакала из постели в постель. Одна ночь – один любовник. А сердце молчало.

Какое сердце у ледяной статуи?

А потом случилось то, что случилось.

Я доигралась.

* * *

На свадьбе Аннет и Мирки мне *не посчастливилось* встретить Эльдара Тарханова.

Эротичнее, чем мужская крепкая задница, большой ровный член и тугие канаты мышц (которые клином к паху) может быть только мускулистый изгиб плеча. Так вот, у Тарханова ничего этого не было.

Немолодой, около сорока. С выдающимся брюшком. Хатоватый. Похотливый. Зато с кучей баблá. Чем заинтересовал? Да особо ничем. Нескрываемым обожанием и щедростью. Не па́пик, а сказка, если не считать брюшко. Да и брюшко не смущало. Для этого всегда найдутся смазливые мальчишки. Я вертела хвостом, к телу не допускала, не задумываясь, с кем связалась. А зря. Однажды *не папик, а сказ-*

ка уволок меня – пьяную в хлам – из ночного клуба. Привез в особняк, отобрал сумочку и телефон. Под утро как-то невнятно трахнул. Приставил охрану и свалил.

Другая бы испугалась, разрыдалась взхлёб и забилась в угол, ожидая спасения. Другая – да, но не я. Я возмутилась. Меня запереть в клетке? Меня?! Прихватила бронзовую статуэтку с комода. Расколотила антикварное зеркало в деревянной резной раме (больше всего досталось позолоченным лебедям). В гостиной сорвала шторы, покромсала кожаный диван ножом. В кухне перебила посуду. В гардеробной порезала галстуки. С дьявольским хохотом подбиралась к костюмам, но... не успела.

Услышали, сволочи. Прибежали. Скрутили. Заперли в погребе. (В спальне было бы логичнее.) А там коллекционное вино. Что ж. Налакалась в лоскуты, подгрызая кусок пармезана. Запищал электронный замок. А зря. С размаху саданула дверью кому-то по носу. Помчалась навстречу долгожданной свободе. Скрутили. Заперли в спальне.

Тарханов в ночи не вернулся. Может, и к лучшему. Я протрезвела настолько, чтобы не позволить трахнуть себя снова. Без боя не отдалась бы. Все тяжелые предметы спрятала под кроватью. На следующий день заскучала. Пустила в ход тоскливое обаяние. Шмыгала носом, заливалась крокодильими слезами. И ныла, ныла, ныла. Принесли завтрак. А зря. Не учли *ветер в жопе*. Просвистела мимо охранника, вниз по лестнице, и вот оно – счастье, но... Скрутили. За-

перли в ванной.

Эльдар, мать его, до сих пор не приехал.

Ближе к полудню выпустили. Покормили. Пригрозили. Заперли в спальне. Дежурила у окна. Засекла у боковых ворот фургон с продуктами. Смиренно запросилась к бассейну – отвели. А зря. Идиоты. Разделась до трусов (лифчика не было, но не голышом же). Мужики залипли на груди, слюни развесили, в ширинках поправили. Опомнились и отошли. Я цапнула с лежака платье, босоножки сунула под мышки. Нырнула в кусты и понеслась к служебному входу. Разыскала водителя, откупилась серьгами с сапфирами. И прикатила в офис к Аннет.

* * *

Подруга вызвала Мирку. Мирка вызвал Вики. Вики связался с каким-то армейским другом, живущим – страшно сказать – в амурской тайге. Дальше – хуже. Руки в ноги, сорок минут на сборы.

До Благовещенска летела семь часов. Семь! А по прилёту в иллюминаторе: гроза, ветер, ливень стенами.

Встретил верзила в непромокаемом камуфляже, проводил к огромному оранжевому пикапу с огромными колесами. С огромной открытой платформой. С огромными фарами на металлической стойке и огромным кенгурятником. Преодолеет любую грязь. Какой хозяин – такой и автомобиль.

Пока домчалась до внедорожника, вымокла до трусов.

Я поднапряглась, если честно. Тащиться со стрёмным мужиком глубокой ночью в какую-то глухомань? А что делать? Не то чтобы меня кто-то спрашивал.

Стрёмный мужик постарался втянуть в разговор. Я не поддалась. Уставилась в темноту, прижимаясь к стеклу виском. Свет мощных прожекторов выхватывал поваленные деревья, кусты на обочине и глубокие колеи с грязной водой.

Куда меня занесло? Зачем? Что будет дальше? От мрачных мыслей отвлечься не удавалось.

Внезапно большая кисть легла на мою и легонько сжала. Странно. Простой жест откликнулся теплом где-то под ребрами.

Чертов пузырьёк валерьянки.

Я резко отдернула руку. Он хмыкнул, приглушил музыку и сосредоточился на бездорожье. И вскоре я задремала. Проснулась, когда двигатель заглох, но не подала вида. Подсматривала в щелочки между ресницами.

Золотистый свет фонарей. Белый трехэтажный коттедж на сваях, отделанный камнем и деревом. Мансарда с французским окном и балконом. Широкая веранда. Вазоны с цветами на перилах. Не шалаш в раю – и хорошо.

Здоровяк обогнул капот, ловко запрыгнул на подножку. Подхватил на руки и осторожно извлек из машины. Прижимая к твердой груди, куда-то отнес, куда-то сгрузил. И я снова вырубилась прямо в одежде.

Собственно, все.

Август

В комнате было темно. Непонятно, уже утро или все еще ночь. Раскаленный железный обруч вокруг головы, пульсация в висках. Глаза слезились. Под веками – темные мушки. Надавила двумя пальцами под нижней челюстью. Помогло ненадолго. Со страдальческим стоном медленно перекатилась на спину, стараясь как можно меньше шевелить шеей.

Чертова мигрень с подросткового возраста. Ма – Дияна Вранич – бесконечно таскала по клиникам. Терпеть не могла мою кислую морду. Врачи долго крутили-вертели, в итоге прописали таблетки.

Одна сердобольная медсестра, краснея и отводя взгляд, обнадежила: *«Вот выйдешь замуж, и все пройдет»*. Какая связь между головной болью и замуж? А если я туда не хочу? Мне что, всю жизнь мучиться? А где гарантия, что муж не замучает первым? Из человеколюбия уточнять не стала. Чего тревожных пугать? Чуть позже догадалась, что *«замуж»* – это про секс. Какая связь между замуж и сексом?

Забейте. Давайте дальше.

Единственное, что помню: несколько раз в комнату заходила женщина. Обтирала холодным полотенцем. Смачивала пересохшие губы. Взбивала подушки. Вливала бульон. Отпаивала чем-то горьким. Спасибо, конечно, но ни к чему. Не оценю.

Знаете, что раздражало в редкие моменты просветления?

Бабушка часто повторяла: *«Сплю на новом месте – приснись жених невесте»*.

Не приснился. Сволочь. Вот и как после этого замуж?

* * *

Следующее утро выдалось добрым, но нервным. Чертов солнечный луч ослепил, едва я моргнула ресницами. Боль утихла, сохранилось только мутное эхо. Я вяло расплелась из клубочка, перевернулась на другой бок. Взвизгнула. Инстинктивно залепила пощечину неожиданному гостю. Гость зашипел, но не отстранился, даже не шевельнулся. Растянувшись во весь рост, подпирал голову увесистым кулаком. И нагло тарачился изумрудными зенками.

– А ты здесь какого лешего?

– Леший в отъезде, – взъерошил влажные волосы, подался ко мне и доверительно прошептал. – Я за него. И я лучше.

– А ты кто?

– Брат Лешего.

– Ну и какого лешего ты здесь делаешь, брат Лешего?

– Кай вообще-то, – обветренные губы расплылись в ироничной усмешке. – Я тебя привез и на руках из огня вынес.

– Ты мою задницу лапал? – соображала со сна плоховато, но кое-что вспомнила. – Или что-то путаю?

– Лапал, – бровь невозмутимо изогнулась. – Такую задницу грех не полапать.

– И что это ты в моей постели валяешься... Кай? – к свет-

ской беседе я была не готова. Дернулась, чтобы встать.

— Формально постель моя, — надавив на плечо рукой, уложил обратно. Подполз ближе и устроился поудобнее. — Гостевую спальню подготовить не успели. Ты ж как снег на голову приперлась.

Что ж. Оглядела здоровяка с макушки до свисающих с кровати ступней и проснулась окончательно. Какой уважающий себя принц примчится к юной деве одетым? Нет, этот принц примчался не совсем голым. Да и я не юная дева.

Чертовски обнаженный, чертовски соблазнительный торс. Рельефные мускулы, гладкая загорелая кожа. Маленькие темные соски. Плечи и грудь усыпаны крошечными золотистыми веснушками.

Светло-каштановые удлиненные волнистые волосы. (Как у сёрфера.)

Запах. Пряный, с легкой горчинкой и нотками карамели. Похожий на имбирное печенье. (Уж в ароматах я прекрасно разбираюсь).

Улыбка. Белозубая, мальчишеская, с тонким флёром распутства. Губы по идеальному трафарету. Уж на что я своими горжусь, но эти захотелось облизнуть, прикусить и зацеловать.

Физиономия привлекательная. Высокий лоб, прямой нос. Выступающий вперед волевой подбородок с глубокой ямкой. Смешливые морщинки.

Как по мне, пряничный человек был великоват в любой

точке мира. Предполагаю, что ниже пояса тоже.

Я сглотнула слюну.

– Какой у тебя рост, крепыш? – уточнила из чистого любопытства.

– Метр восемьдесят девять. А что?

Ободренные костяшки пальцев внезапно провели по щеке. Едва-едва прикасаясь, до мурашек и мелкой дрожи. Как ветвящейся молнией по всему телу.

– Э-эй! Клешни убрал, – я ошалела от фамильярности и на всякий случай отодвинулась. – И вообще, кыш с *моей* постели. От тебя шпарит, как от печи.

– Ага, – та самая улыбка от уха до уха. – Это я еще ледяной душ принял, – и вкрадчиво пояснил. – Гольшом.

– Утренний стояк беспокоил?

– Со стояком справился. Траву косил, – продемонстрировал жилистое предплечье и мозолистую ладонь.

Я понюхала у себя под мышкой и передернулась от брезгливости. От меня воняло.

Массивная туша элегантно стекла с кровати. Обошла изножье. Забросила на плечо и потащила в ванную, игнорируя вопли. Как чертову куклу. Открыла кран в душевой кабине, попробовала температуру локтем. Еще подкрутила и, удовлетворенно кивнув, поставила на пол.

Кстати, я проснулась в одном белье. Хорошо, что в бежевом спортивном, а то кружева... сексуальный мужчина... огромная постель...

– Ты все еще здесь? – дребезжания дверцы не последовало.

Юная порочная дева рассчитывала, что *принц* по-джентльменски исчезнет. А зря. Кай прислонился спиной к стене. Скрестил ноги в щиколотках, запихнул кисти в карманы льняных брюк и прищурился. Нехорошо прищурился. Недвусмысленно.

Я насторожилась. Все-таки к кружевам, мужчине и огромной постели пока была не готова.

– Все еще здесь.

– Я голая! – шортики и лифчик промокли насквозь и облепили изящные изгибы.

– Почти голая, – подтвердил, не смутившись ни капли, но кадык жадно дернулся.

– А что это ты за мной повторяешь? – я процедила сквозь зубы, топнула и застонала. Отбила пятку.

– Ты бы поосторожней со стонами.

– А то что?

– А то... вот, – Кай выразительно скосился вниз.

Любопытство меня погубит. Взгляд сам собой метнулся... Оу-у-у. Штаны пропитались водой. И, судя по четким контурам, великоватым было действительно все. И подавало слабые признаки жизни.

Я сглотнула слюну.

– Лапал тебя я. Раздевал тебя я. Спал с тобой тоже я. Так что краснеть поздно.

- Может, и трахнул? А я не помню?
- Поверь, детка, такое не забывается.
- Конечно, с такой-то бítой.

Ухмыльнувшись, бесстыжая морда свалила. Послала воздушный поцелуй через стекло. Повесила на ближайший крючок махровое полотенце и удалилась, оставляя на полу мокрые следы.

* * *

Пустой желудок взбунтовался до тошноты. По второму этажу я не стала шарить. Босиком пошлёпала на запах кофе и свежей выпечки.

Кухня – мечта хозяйки. Техника и приспособления – понятия не имею, что для чего. Кофеварка и соковыжималка – вот мой предел.

Подробно описывать не буду, хотя...

Кристально чистые окна. Пол и потолочные балки тёмного дерева. Голубовато-сизая мебель. Столешница из мелкой плитки на пару тонов светлее. Островок по центру и высокие стулья. Великанский холодильник и морозильная камера.

Веранда с ротанговой мебелью, как будто связанной толстыми бечёвками. Подвесные качели. И пахнущие медом цветы. Уютно, но несъедобно.

Запихнув в себя все, до чего дотянулась, я сыто откинулась на спинку стула. Сложила ладони на животе и прикрыла глаза. Долго не просидела – подскочила от неожиданности. Дверь с мозаичным витражом, ведущая на веранду, широко

распахнулась. Влетела растрёпанная женщина неопределенного возраста.

– Здравствуй, милая! Ой, напугала? – схватила за сердце, переводя дух. – Покушала? Может, яйшенку? Омлетик? Или еще чего?

– Эмм... Нет, спасибо. Объелась. Очень вкусно.

– Так все свеженькое. Свое. Вон огурчики с грядки. Хочешь? А я Катерина, – она стряхнула с фартука невидимые крошки. – Помогаю мальчикам по хозяйству. С теткой их дружим со школы. Ох, судьба-судьбинушка... – покачала русой головой, закрепляя пряди заколкой. – Ну да ладно, чего это я. А ты, значит, Виктория? Как земляника. Волосы-то вон какие розовенькие. Ах ты ж моя красавица! – всплеснула руками и обмахнула ладонями пунцовые щеки.

– Лучше Тори, – еще пара минут, и завывала бы: Катерины было очень громко и много.

– Как здоровьице, дочка? Полегче сегодня? А то я уж испереживалась вся. Бледненькая такая, хрупкая, того и гляди... – заметила гримасу агонии на *бледненьком хрупком* лице и сочувственно приобняла за плечи. – Да что ж это я. Заболталась совсем. Заезд у нас завтра, готовимся. Показать-рассказать пока некому. Кай в город уехал. Как проголодаешься – загляни в холодильник. Там на обед есть. Посуду не мой, в раковину поставь да отдохай.

– Да, я... – в раковину так в раковину. – Спасибо.

– Вот и на здоровычко. Побежала. Свидимся.

Я обречена. Я тут не выживу.

* * *

Ленивое время тянулось ириской. Ползло улиткой. Тащилось слизнем. Плелось черепашьям шагом. Я слонялась по веранде, качалась на качелях, валялась на диване. Скучно. Судя по часам с кукушкой, прошло всего пятьдесят две минуты.

Отправилась на разведку. В гостиной уютно. Все из натуральных материалов: дерево, камни, хлопок. Камин. Бежевый ковер с мягким ворсом. Никаких пошлых стоек с ружьями, оленьих рогов, трофейных чучел и медвежьих шкур.

Заперты только две комнаты. В глубине коридора на втором этаже и на первом напротив гостиной. Скорее всего, кабинет. В кабинете всегда есть, что почитать. Почитать захотелось, но не удалось: заперто на замок. Что ж. Поплелась на улицу.

Вот уж не думала, что в амурской глуши бывает настоящее лето. Я вообще об этом не думала. Высокое чистое небо с редкими облаками. Яркое солнце. Прозрачный воздух. Дурманящий запах хвои, древесной смолы, скошенной травы и луговых цветов. Монотонный стрёкот, жужжание. Шум мотора. Мужские голоса вдалеке. И просторы, которых не найти в городе.

Спустилась по гравийке по склону, приставила кисть козырьком ко лбу. Природный каскадный ландшафт с сочно-зелеными лужайками. То ли высокие холмы, то ли низкие

горы. Альпийский пейзаж.

Шесть двухэтажных шале из камня и бруса. С покатыми крышами и панорамными окнами. Баня с бочкой на бревенчатом настиле, небольшой бассейн, джакузи. Неплохо. А ведь могло быть и хуже.

Молодые хаски с льдисто-голубыми глазами резвились у каменного амбара. Прыгали, клая зубами на бабочек, кувыркались в пыли, плюхались в лягушатник. Учув меня, замерли и наострили уши. Девочка глухо твякнула, уткнулась носом в воду и начала пускать пузыри. Мальчик подкрался и обнюхал ноги. Видимо, остался доволен. Отряхнулся, забрызгав до пояса, коротко вильнул хвостом и умчался к подружке.

Оказавшись в прохладной тени веранды, я облегченно вздохнула и сбросила шлёпки. Устроилась на диване, налила лимонад из графина (льдинки все еще звякали). Упитанный котяра вылез из-под стола и растекся на полу черной лужицей. Кошки – трехцветка и полосатая – облепили с двух сторон. Жарко. Отпихнула – вернулись. В третий раз не выдержала. Сдалась. И задремала под мягкое мурлыканье.

* * *

Ни позвонить, ни написать, ни развлечься в сети. (Мобильный затерялся в особняке Тарханова.) Заскучав скучать, решила снова отправиться на поиски приключений. Приключение прибежало само. Женщина-ураган пронеслась в кухню и засуетилась у плиты. Естественно, я побрела следом.

И едва не захлебнулась слюной.

Пока наш квартет дрых, она варила варенье.

— А я ведь брата твоего помню, — ловко снимая розовую пенку в миску, Катерина расплылась в улыбке. — Хороший мальчик. Красивый как ангелок. И добрый. Уж как он меня смешил. Ничего, говорит, делать не умею, хочу рядом посидеть. А мне в радость. Помню, раз Ивар в город отлучился с другом его. С именем таким необычным. Кай-то с гостями на рыбалку, а Витя с Кузьмичом знай да прихлебывали под закусочку. У Кузьмича самогон да настойки забористые. Дед, упокой его душу, внуку́ мастерство передал. Так вот прямо здесь и заснул, родненький, — мотнула подбородком в сторону островка. — Все боялась, что упадет. Подушку принесла, плед набросила, — отрезала ломоть свежего хлеба, налила молоко в высокий стакан и поставила передо мной. — Ну-ка поешь, дочка. Проголодалась, поди.

Кто такой Ивар, уже не интересовало. Я вгрызлась зубами в горьковатую сладость и застонала от удовольствия. Детство. Посёлок у моря. Бабушкино варенье. (Если продолжу, через пару недель придется обновлять гардероб.) И... потянулась за вторым куском.

Отставив алюминиевый таз, Катерина смела крошки со стола. Ласково потрепав по плечу, опять испарилась. Едва за ней захлопнулась дверь, чистая радость сменилась кашей в мозгах. Отчего-то защемило под ребрами.

Мне не понравилось. К черту эмоции.

На волне злости приступила к воображаемой срачке с братьями. За словом в карман не полезла. Материлась хлестко и ядовито. Пересказывать не стану. Поберегите зрение и невинность.

Выпустив пар, скосилась на хóдики и смачно выругалась. Уже вслух. Чертова беседа с чертовыми вóронами заняла чертовы десять минут (по ощущениям часа полтора).

С улицы донесся мерный стук топора. Какое-никакое, а развлечение. Повеселев, я прошуршала на звук и высунулась из-за угла амбара.

Голый по пояс Кай увлеченно колот дрова. Грязный и потный. В драных бледно-голубых джинсах, низко сидящих на бедрах – ну еще бы, – и рабочих ботинках. Футболка свисала из заднего кармана.

Тестостероном шарáшило на километры вокруг.

Что может быть прекраснее мужчины за работой? Сексуальный мужчина. С шикарным поджарым телом, сотканном из мышц и сухожилий. Это вам не самодовольный городской качок. Тонкие ручейки по гладкой коже, блестящей на закатном солнце. Две ямочки на пояснице. Влажная шевелюра осенних оттенков, стянутая на макушке.

Горячий, как адское пламя.

Ветер подул в мою сторону. Я глубоко вдохнула терпкий аромат с нотками сладкого имбиря и летнего солнца. Мне важно, чтобы мужчина подходил по запаху. И, судя по тому, что я ощутила, подходил.

Вот бы с таким же энтузиазмом занимался сексом. Хотя, что-то мне подсказывало... В голове замелькали картинки одна развратнее другой.

*Вот он возникает передо мной из ниоткуда. Сгребает за-
пястья. Пригвозждает к нагретому камню и наваливается
обжигающим телом. Молодой. Мощный. Дикий. Малахито-
вый ободок радужки с темными прожилками и янтарными
искрами околдовывает. От жадной похоти в расширенных
зрачках сердце колотится быстрее, отчаяннее. Все вокруг
кружится. Низ живота сводит судорогой. Ноги подкашива-
ются.*

*Он ничего не говорит и ничего не делает. Просто при-
давливает, мелко подрагивая, стискивая челюсти. И смот-
рит, смотрит, смотрит в упор. Сдерживается неимовер-
ным усилием, натянутый как струна.*

*Хочется стонать под ним. Царапать обнаженную спину.
Впиваться зубами в изгиб шеи. Не позволяет. И смотрит,
все еще смотрит. Рвано и хрипло дышит, сглатывает ост-
рым кадыком. Облизывает губы и взглядом пожирает мои.*

*Расстегивает штаны, спускает до колен. Задирает пла-
тье, подхватывает под ягодицы. Наклоняется к уху, тихо
рычит, обнюхивает по-звериному. Скользит языком по клю-
чице. Тычется возбужденным членом...*

– Детка! Я закончил!

Очухавшись, обнаружила себя с пальцами между бёдра-
ми. Разочарованно выругалась. Громко и четко. Еще бы

чуть-чуть... Мать твою. Все испортил.

Кай точным взмахом вклинил топор в пенё. Утерся предплечьем, хрустнул шеей. Окунул жестяной ковш в ведро с водой и с наслаждением выпил до дна. Снял резинку с волос. Стащил замызганные джинсы, оставшись в белых сетчатых боксерах.

Я залипла. Я сглотнула слюну.

Поднял с земли садовый шланг и окатился ледяной струей. Фыркнул, встряхнулся, как здоровенный лохматый пёс.

– Если я тебя трахну, – поинтересовался слегка осипшим голосом. Не поворачиваясь, как будто не мне, – вóроны же кастрируют? Заказывать венки?

– А в трусах ничего не жмёт? – в общем-то, я была не против, но нам еще в одном доме жить. И пока неизвестно сколько. – И-и-и... Я обет целомудрия дала.

– Сейчас или в принципе? – имбирный человек отжал шевелюру, наклонился и расчесал пятернёй.

– В принципе... и сейчас.

– Я про то, что в трусах, – хохотнул и встал ко мне боком. Сволочь. – Хочешь проверить?

Последние солнечные лучи удачно подсветили предмет обсуждения. Оу-у-у. В штанах выглядело скромнее. И это после ледяного душа.

Точно. Жмёт. Что ж.

Проверять не стала. Воздержалась с безысходной тоской в глазах.

– Ладно, не хочешь как хочешь, – он подошел достаточно близко, чтобы меня обдало жаром. – Так что там с целибатом?

– Все сложно.

– Кому?

– Мне.

– Дала кому?

– Что дала?

– Обет.

Я потеряла нить разговора. Впала в ступор и не ответила. Скользила восхищенным взглядом по великолепному телу, вдыхая через раз. И только когда великолепное тело скрылось из вида, опомнилась.

* * *

– Так что там с вóронами? Стерегут твою честь?

Кай спустился в гостиную, напяливая на ходу чистую футболку. Тонкая ткань эффектно обрисовала рельефные мускулы. Валяясь перед камином, я невольно привстала и облокотилась на ковер. И в который раз сглотнула слюну.

– Ага, стерегут. И днем и ночью. Если что не так: один кастрирует, второй *галстук-бабочку* сделает. Ну, знаешь, шею разрежет, яйца в глотку забьёт и...

– Однако, – хмыкнул, поддернул шорты-карго, уселся на пол по-турецки. Близко. Слишком близко. – А так вроде безвредные. Особенно Вик, когда не бухает.

– Так что, испугался? – перекатившись на бок лицом к

нему, подпёрла голову ладонью.

– Не-а. Переживу, – задумчиво потеревил кольцо из черной матовой стали в мочке уха.

– Так легко отступишься?

– Я про извращенные пытки, – пояснил с похвальной невозмутимостью. – Отступиться? От тебя? Я что, идиот? Лучше сразу бесславно погибнуть с яйцами в глотке, – провел пальцем по изгибу бедра. От нежности прикосновения захотелось сбежать, от прямолинейностихватило дух. – Так что? Пойдешь со мной на свидание?

– А как же трахнуть?

– Ну, если настаиваешь... Можем и наоборот. А вообще-то нет, не можем.

– А что тебе мешает? Целибат – не проблема.

– Ого. Быстро переобулась, – потенциальный поклонник захватил и пощекотал ступню. – Всю жизнь тебя ждал, а потом еще двое суток. Так что...

– Отпусти, мать твою! – я дико боялась щекотки. Лягнула со всей дури, испепеляя свирепым взглядом. Попала туда, куда метила. – Хочешь меня – подождешь еще, – ехидно прищурилась.

– Подожду. С ледышками пока поиграю, – продемонстрировал знак кавычек. – «Вечность» сложу.

– В смысле? А-а-а. Ну да. Кай. Вот только я не глупая девочка – спасать и не подумаю. А может, в ролевуху сыграем? – повторила его жест. – *«Снежная Королева vs Мальчик-С-*

Чердака».

– Ничего не имею против. По ходу игры согласен даже на оральный половой акт.

– Кто кому?

– Да как пойдет. Кстати, на «Ви» согласна? Тори как-то...

Ну, знаешь... – прищелкнул языком и запнулся, получив второй свирепый зырк. И правильно сделал. После третьего обычно списываю в утиль. – Согласна?

– Подумаю, – пробормотала, закусив нижнюю губу, чтобы спрятать улыбку. – А лет тебе сколько, мальчик?

– Двадцать девять. Мало? Много?

– А кажется, все семнадцать.

– Детка, ты мне льстишь. Так чем займемся?

Имбирный коротко хохотнул и принялся тормозить меня, пока я не зарычала.

– Отпусти, мать твою! Иди. Перебирай цветные стекляшки.

От впечатлений напряженного дня накатила усталость. С ним было уютно. И весело. И просто. Уйти и хотелось, и не хотелось.

– Детка, готов отнести в кроватку. За долгий поцелуй на ночь. Согласна?

Я согласилась. На поцелуй. Согласилась бы и на ролевуху, и на оральный половой акт, и на безбашенный секс. А вот на свидание вряд ли.

И вообще, вся эта хрень про «*подожду*» – полная хрень.

Кто-то не выдержит первым.

Кай подхватил большими ладонями под ягодицы и подкинул на пояс. Я обвила руками мощную шею, скрестила щиколотки и уткнулась носом в ямочку над ключицей. Тоненькие волоски на коже встали дыбом, потянувшись к нему, как наэлектризованные.

Аккуратно сгрузив на постель, он наклонился, упираясь кулаками в матрас. Облизнул приоткрытые губы в нескольких сантиметрах от моих. Впился темнеющим взглядом, ничего не делая, но и не отстраняясь. Я запустила пальцы в шелковистые волосы. Поторопила, напрашиваясь на жгучий, совсем не платонический поцелуй. Минута, две, и наконец Имбирный скользнул кончиком языка за ухом и мягко прикусил мочку.

– Сладких снов, Ви.

И ушел. Не обернувшись. Подлая сволочь.

Со злобным рычанием я отомстила подушке: запульнула в закрывавшуюся дверь. Вторую отдубасила и отправила следом. Плюхнулась на кровать, поворочалась. Неудобно. Выругалась. Нехотя встала, подцепила одну ногой, отшвырнула к изголовью. Да, я была дико рассержена, но...

* * *

Он дал мне имя.

* * *

Утро не бывает ни бодрым, ни добрым без мускулистой груди под щекой. Сексуального лесоруба, к сожалению, по-

близости не наблюдалось. А жаль. С ним куда интереснее, чем без него.

Ванной в моей спальне не было – пошла в гостевую. Из вредности без одежды. Совсем. По пути никто не попался. А зря. Вернулась в комнату голой, но мокрой, с полотенцем в руке. По пути никто не попался. А зря.

Вытащила из чемодана любимый льняной сарафан. Белый. Полупрозрачный. Скомканный. И что? Это ж не Москва. Встряхнула, примерила, для вида разгладила складки. Лучше не стало. Влезла в алые кружевные стринги. Туристы понаедут – будет с кем пофлиртовать. А как еще развлекаться?

Роскошный завтрак. (Описания не ждите – обзавидуетесь.) Рука привычно потянулась к смартфону. А его нет. Фото не будет. А жаль.

Настроение испортилось. Метнулась наверх, откопала бо-соножки на каблуках и выплыла на веранду. Вчерашний кот-тяра растопырился в кресле. Задрав заднюю лапу, вдумчиво вылизывал мохнатые яйца. На столе ровной стопкой лежали книги и древний телефон-раскладушка. Всего два номера в контактах. Кая и Лешего. Ни камеры, ни приложений.

Выругалась с досады. Только собралась закопать мобиль-ный в землю – отвлеклась на резкий сигнал. Три внедо-рожника. Дорогих. Одинаковых. И толпа мужиков на любой вкус.

Наметанным глазом выбрала жертву: смазливого блон-

динчика. Он тоже меня выбрал. Молодой и наивный. Приблизился, пожирая жемчужно-серыми глазами. Ну, так себе, но на безрыбье сгодится.

– Красавица, а где Ларса найти? – от запаха вишневого табака запершило в горле.

– Кого?

– Ну... Кая.

– Да если б я знала, – посмотрев на озадаченную физиономию, снисходительно похлопала по плечу. – Сейчас позволю, – хорошо, что закопать не успела.

– Детка, привет! – зычный голос вонзился в мозг. Скривившись, отвела трубку от уха. – Что случилось?

– Тут к тебе толпа прикатила.

– На подходе.

– Слышь, Серег! – пузатый бородач сально усмехнулся, указывая на меня коротеньким пальчиком. – Ты ж говорил, девки к ночи подгребут. А эта?..

– А эта – не девка, – я дерзко вскинула подбородок. – Дождитесь заката. А если невмоготу, – сопровождала слова характерным жестом, – кулак в помощь.

– Слышь, ты!..

Язык мой – враг мой. Могла схлопотать. История с Тархановым ничему не научила.

– Эй-эй-эй! Расслабься, Шакал, – Имбирный вырос за спиной, примирительно вскинув руки. – Ви, дуй домой. Дальше я сам, – нахально шлепнул по заднице, придав уско-

рение. Я приоткрыла рот и набрала полную грудь воздуха, чтобы возмутиться, но передумала. Потом. Все потом. – Так! Девушка неприкасаемая. Увидели – отвернулись, – рывкнул, когда за мной захлопнулась дверь.

* * *

Белый микроавтобус прикатил на закате. Полностью затемненные окна скрывали пассажиров. Кто? В каком количестве? Нет, ну ясно же кто. Количество неизвестно. Как выглядели? Нет, естественно, я не переживала, но... Ни одна шлюшка не имела права затмить сияющую меня. Ни по красоте, ни по сексуальности, ни по милотé. За что там еще женщин ценят?

Пока я пыталась рассмотреть хоть что-то, фургон высадил пассажирку. Она не шла – парíла. Небрежная грация. Прямая спина. Надменно вздернутый подбородок. Я сразу же возненавидела незнакомку. Бесповоротно и совершенно искренне.

– Кай? Малыш? – грудной женский голос выстрелил в пустоте холла. – Девочки на месте.

Малыш?! Серьезно? Ну уж нет. Разъяренная, в два прыжка выскочила из кухни. Фигуристая брюнетка лет тридцати пяти проследила за мной с фальшивой улыбкой.

– Кая здесь нет, – я воинственно упёрла руки в бока. – Если очень надо, – выделила фразу интонацией, – могу позвонить.

– Я и сама могу, – иронично изогнув брови, холодно оса-

дила незваная гостья и выудила из сумочки смартфон. – Милый, я тебя жду, – томно протянула, поправляя и без того безупречно гладкие волосы. – А что за ершистая девчушка? Бедная родственница? – собеседник ответил, и надменная физиономия вытянулась. – Кстати, я Аврора, – это уже мне.

И вот тогда я взбесилась окончательно. И дураку ясно, кто она, с кем и для чего. На ухоженном лице отпечатались суровые трудовые будни. Но дело даже не в этом.

Во-первых, бесстыдно ввалилась без стука, как к себе домой. Сука.

Во-вторых, *«ершистая девчушка»*? Сука.

В-третьих, *«мальши»*? Сука.

Я – дико ревнивая собственница. Даже если Имбирный не мой, все равно мой.

* * *

– Так, Ви. До утра никуда не выходишь. Ясно?

– Нет, – я решительно помотала головой. Встала на цыпочки, ткнула указательным пальцем в широкую грудь. – Не ясно!

– Ви-и-и, – протянул Кай, скорчив мучительную гримасу. – Бухие возбужденные мужики – не самая лучшая компания для девицы в... – оглядел сарафан (как будто в первый раз увидел) и прищелкнул языком. – В общем, на всякий случай переоденься. И на улицу ни ногой. И дом не разгрови. И не напейся с горя. И...

Не закончив фразу, взял мою кисть и кончиком языка лиз-

нул середину ладони. Эротично. Соблазнительно. Бесчеловечно. И смылся, оставив меня взбудораженной и разочарованной. Сволочь.

Что ж. Выскользнула на веранду, закутавшись в плед, порала в темноту. Успокоилась. Ну не вышла же из дома. Почти.

В принципе, к бухим мужикам со стояком не хотелось. Однако и свободой жертвовать не собиралась. Решила сражаться до последнего. И коварно мстить, если что.

Сменила платье на облегающие задницу легинсы и футболку на голое тело. Ну переоделась же. Пошарила в барном шкафу – деревянном, с искусной резьбой, – извлекла пафосный виски. В принципе, я текилу люблю, но тут уж выбирать не пришлось.

С комфортом устроилась на ковре перед камином. Налила в рокс на два пальца, добавила лед, сделал глоток. Закашлялась. Фыркая и морщась от кислого лимона, вылакала до дна. Налила еще столько же. И еще. И еще. Да, напилась. Вразумить все равно было некому.

Очнулась под стоны, хрипы и ритмичный скрип кровати. (Между последней порцией алкоголя и постелью – пробел в памяти.) Тут и дурак бы сообразил: Имбирный самозабвенно трахался. Сволочь.

Ждал всю жизнь и два дня? Не дождался? Бросил в огонь лягушачью шкурку?

Ладно, будет тебе жаба... *малыш.*

– А-а-а! Ка-а-ай! Да. Да. Да-а-а!

Сука Автора визжала, как свиноматка.

Пылая негодованием, я подкралась к двери, успешно преодолев препятствия. Чертов пол шатался. Чертовы стены дрожали. Под потолком кружили чертовы вертолеты. Шлепнулась на четвереньки, тихонечко постучалась лбом. Скреблась и скулила. Я пьяненькая – мне надо. Им что, жалко было? Взывала к справедливости, давила на жалость. Не открыли и не впустили.

Вот и как после этого засыпать?

* * *

Утро не задалось. Долго лежала, прикрыв глаза липким предплечьем. Мечтала, чтобы кто-нибудь погасил солнце. Тело ломило. Башка раскалывалась. Иглами кололо виски. Адский сушняк во рту. Похмелье – врагу не пожелаешь.

Медленно, по стеночке, на трясущихся ногах потащилась в ванную. На полпути пришлось резко ускориться. Горько тошнило. Нет, не так. Выворачивало. Прополоскав рот, посмотрела в зеркало. Розовая ворона с облезлыми перьями. Что ж. Говорят, что время лечит. Поскорее бы.

Мелкими шажками добрела до верхней ступеньки. Первая победа. Спиной вперед в полусогнутом состоянии спустилась, цепляясь за столбики. Вторая победа. Врезалась во что-то теплое. Теплое, но неприятное. Оглянулась через плечо. Сука Аврора. В клетчатой рубашке Кая. С ядовитой ухмылкой. С чашкой кофе в руках.

– Оу-у-у... – ламинированная бровь изогнулась дугой. – Малыш! Иди-ка сюда.

– Ви?.. Вот ты ж... заноза мелкая.

Возвышаясь надо мной, Имбирный почесывал в затылке. Растрепанный и сердитый, но до невозможности красивый. (В принципе, спяну красивы многие.)

– Есть хочешь? – присев на корточки, отвел от лица засаленные волосы. – Пить? В душ? Спать? На воздух? Побле-
вать?

От запаха жареного бекона замутило и бросило в пот. Я вяло промычала в ответ на «*пить*» и кивнула на «*побле-
вать*».

– Да уже проблевалась, судя по аромату.

Тощая сука картинно сморщила нос и помахала кистью в воздухе. Собрав последние силы и пальцы в кулак, я оттопырила средний. Аврора надменно фыркнула и скрылась в кухне.

Кай сгонял за двухлитровой бутылкой воды, отвинтил крышку и приложил к пересохшим губам. Я жадно присосалась к горлышку. Струйки стекали по подбородку на грудь и впитывались в заляпанную футболку.

– Писать.

Он с осуждением цокнул языком и покачал головой. В полном молчании отволол в ванную. Стянул легинсы вместе с трусами до щиколоток и взгромоздил на унитаз.

– Тебя поддержать?

– Тысовсемдурактоли?

Я облокотилась на колени и подперла лоб основанием ладоней.

– Как скажешь, – весело хмыкнул и отвернулся.

Когда я пописала, меня сдернули с унитаза. Заставили по очереди приподнять ноги, сняли штаны и стринги. Содрали грязную футболку. Отправили в душ. Вытащили из душа. Вытерли полотенцем, промокнули спутанные пряди. Залили в рот освежитель, заставили выплюнуть. (Кстати, я неуверенно сопротивлялась).

И вот я – полностью обнаженная и бесстыдная, – выпрямилась. Покачнулась. Тут же очутилась в объятиях, прижатая к горячему телу. Томно застонала и повиляла бедрами. Стиснув челюсти, Имбирный шумно втянул воздух. Нервно сглотнул и отодвинулся.

– Ви, прекрати. Сейчас же!

Третья победа.

Сгрёб меня в охапку и взвалил на плечо. Отнес в спальню и уложил в постель. Я свернулась клубком, сложила ладошки вместе и засунула под подушку.

– Не уходи.

– Не уйду, – он полностью занавесил окно и накрыл меня простыней, – пока не заснешь.

– А почему ты Ларс? – не хотелось засыпать в одиночестве.

– Лárсен. Фамилия.

– Швед, что ли?

– Норвежец. По отцу.

– Пф-ф-ф. Это еще хуже.

– В смысле? Чем хуже?

– Чем швед.

– Все. Хватит, – заржал и направился к выходу.

– Но я же еще не засну-у-ла-а, – простонала горестно и заунывно. Просто напомнила. На всякий случай.

– Будешь болтать – не заснешь.

– А поцелуй на ночь?

– На ночь и поцелую.

Сволочь.

* * *

Еще одно поганое утро. Я выпалась, наверное, на годы вперед. Пропустила даже поцелуй на ночь. Разлепила ресницы – глаза защипало. Зрение как-то странно двоилось. Тонкая пленка испарины покрывала все тело. Кожа чесалась. Жутко хотелось пить. Пустой желудок рычал от голода.

Вот бы кто взял на ручки. Умыл. Накормил.

Не взяли. Не умыли. Не накормили.

Что ж. Спустилась в кухню сама.

– Как спалось? – Аврора стояла у открытого холодильника, слегка нагнувшись. Все в той же рубашке и кружевных танго с доступом. Если поняли, но не поняли: с дыркой в промежности.

– Ой, прости. Мы тебе не мешали?

Значит, вторую ночь тоже трахались.

– Когда ты уже свалишь? – меня в жизни еще никто так не бесил.

– Да уж потерпеть придется, – ядовитая сука манерно закатила глаза. – Девочки отработают – свалим.

– Ты сутенёр, что ли?

– Ой. Ну зачем так грубо? – ноздри точёного носа еле заметно дрогнули. – Владелица службы эскорта, – подставила чашку и нажала кнопку на кофеварке. – Уважаемый человек... в определенных кругах.

– И в чем разница? Шлюха – шлюха и есть.

– У меня, знаешь ли, девочки разного уровня, способностей и стоимости.

– А эти? – с брезгливой гримасой я проводила взглядом облачко пыли от проехавшего к шале микроавтобуса.

– *Эти*, – Аврора изобразила кавычки изящными пальцами со свежим французским маникюром, – как ты изволила выразиться, по зову сердца приехали. Обожают развлекаться. И клиенты знакомые. Щедрые чаевые отстёгивают, а кто и на содержание может взять, пока не надоест. Потом другую. Третью. А потом и к первой возвращаются.

– А ты? – нога под столом нервно постукивала по перекладине. Я им завидовала? Да. Потому что им весело, а мне скучно. – Тоже по зову сердца?

– Ты про Кая? С ним для души. Для тела. С удовольствием и почти бескорыстно. А ты?

– А что я?

– Насквозь тебя вижу. Содержанка, ни дня не работала. Широко раздвигаешь? Заглатываешь глубоко? В задницу даешь? Так это не сложно, мои девочки и не такое умеют, – жутко захотелось нагрубить, но Аврора высокомерно осадил, выставив ладонь перед собой. – Да не отвечай, все и так ясно. Разница между тобой и нами только в прописке, возможностях и непомерных амбициях.

– Да пошла ты! – я взвилась, с грохотом опрокинув стул, но она впиалась когтями в запястье.

– Я-то пойду. И вернусь. Меня тут знают и любят, – словно точно знала, куда побольнее ударить. – А вот ты долго не продержишься. Ларс уедет, Леший с тебя спесь быстренько собьет. А я позлорадствую.

Сука.

– А куда это Ларс уедет?

– А у него и спроси. Я ж из «этих», – знак кавычек и подлая ухмылка. – Могу и соврать. Прикуси жало, а то отвесят пинок под зад, и полетишь до своей Москвы с ветерком.

– Никто меня никуда не полетит!

Со всей накопленной за последнее время злостью я выдернула руку и демонстративно вытерла о короткие шорты.

– Ой ли... – Аврора с притворным сочувствием потрепала меня по щеке.

Я ощущала себя оплеванной. И дело даже не в нравоучениях. Да нет, как раз в них. Горькая правда ударила по само-

люблю. Сoderжанка – coderжанка и есть. И не важно, у брата или любовника. Сука и шлюха держалась по-королевски, а я впервые ощутила себя капризной дешёвкой. Мерзко. Так мерзко. Психанула и выскочила на веранду, потом на улицу. Вдогонку донёсся звонкий гадючий смех.

* * *

Я бойкотировала весь мир.

Почему? Потому что.

Ненавижу это поганое чувство жалости.

Вокруг всегда что-то происходит, что-то меняется, а я просто болтаюсь в проруби.

У меня ничего нет своего. Я не справляюсь с жизнью.

Проще замолчать и спрятаться в комнате. Как в детстве.

* * *

Зарядил проливной дождь, нагоняя уныние. Запертая в четырех стенах, я сходила с ума. И сошла бы, если бы не раздался тихий стук в дверь.

– Дочка, иди-ка поешь, – Катерина приоткрыла щелочку, дождавшись вялого «да». – На полный желудок и день в радость.

– А Кай там?

– Уехал он. Никого нет.

Женщина суежилась у плиты, то и дело отвлекаясь и ласково поглаживая по волосам. Я вздрагивала от каждого прикосновения. В носу щипало, под веками жгло. Невыносимо. Нельзя показывать свою слабость. Нельзя подпускать слиш-

ком близко. Сорвалась, отпихнув полупустую тарелку. Ринулась в спальню, чтобы не спалиться. С разбегу плюхнулась на кровать и уткнулась в подушку.

Осторожные шаги, знакомый стук.

– Тори, – встревоженно позвала Катерина, – можно зайти?

Нет. Ни за что. Мне ничего ни от кого не надо.

– Да.

– Обидела чем, дочка? Ты уж прости, если что не так. И в мыслях не было, – пухленькая кисть прикоснулась к плечу.

– Может, поспишь еще? Погода противная – не погуляешь.

– А Вы куда? – в груди защемило. Я невольно потеряла это место, чтобы унять боль.

– Да пойду я... – она замялась на пороге. – А могу и с тобой посидеть. Хочешь?

Нет. Ни за что. Мне ничего ни от кого не надо.

– Хочу.

Женщина примостилась на краешке матраса и стала нежно баюкать, легонько похлопывая по бедру. Раз-два, раз. Раз-два, раз. И смотрела в окно, изредка покачивая головой и печально вздыхая.

– Отлежись, дочка. Залижи раны, как кошка. Они травку лечебную находят и помаленьку выкарабкиваются.

* * *

Проснулась с мыслью, что бойкот наскучил. А в чем интерес, если Имбирный не ломился в комнату и не утешал? Обидно. Вспомнила, что не отомстила за бессердечную случ-

ку с Авророй. С ехидной улыбкой оккупировала джакузи в его ванной. Вообще-то, он не приглашал, но когда это оставляло?

Вино, душистая пена, подводный массаж – я выкарабкалась без травки. Травки в запасе не было. В какой-то момент задремала и сползла под воду. Забилась. Вынырнула. Откашлялась. Распаренная, обмякшая, вскочила слишком резко. Неровное дно ушло из-под ног, и я чуть не грохнулась. В последний момент ухватилась за кран. Осторожно выбралась на теплую плитку. Промокнула сморщенную кожу, отжала волосы. Подхватила комок одежды с пола и побрела в спальню, немного пошатываясь.

Краем глаза уловила какое-то шевеление и застыла. В проёме двери стоял Кай, моргая округлившимися глазами. Тучи рассеялись, и низкое солнце подсветило силуэт. Махровое полотенце тяжело соскользнуло вниз. Он с минуту наблюдал за мной, вскинув бровь и почесывая висок указательным пальцем. Потом судорожно сглотнул и хрипло прочистил горло.

– Эмм... Я... Потом зайду, – запихнув кулаки в карманы, поправил безнравственно вздувающуюся ширинку.

– Ну так иди, – я отбросила шмотки, которые все еще держала в руке. Сонливость исчезла.

– Иду, – не сдвинулся с места, только прислонился плечом к косяку.

– Им-би-и-рный... – многообещающе протянула, доволь-

ная произведенным эффектом.

Другая бы стыдливо потупилась, прикрылась и поспешила из комнаты. На худой конец, попятилась в ванную. Другая – да, но не я.

Я неторопливо приблизилась, не отводя взгляда от изумрудного с золотистыми крапинками. Положила ладони на бедра, скользнула по заднице к мощной спине. Встала на цыпочки. Обвила шею и царапнула ногтями кожу на затылке. Все еще оцепеневший, Кай шумно вдохнул и не выдохнул. Естественно, я воспользовалась шансом. Коварно прильнула к нему и...

Он сорвался. Не справился.

Навалился, придавил к стене. Тонкая ткань футболки оцарапала чувствительные соски. Стиснул запястья большой ладонью, приковал над головой. Пальцами второй руки вздернул подбородок. Тела жарко вибрировали от напряжения. Сердца колотились в такт.

– Отодрать бы тебя прямо здесь, – Ларс предупреждающе зарычал, жадно принюхиваясь. – Без подготовки. Не раздеваясь. Просто вытащить член. И кончить в тебя.

Аромат. Пряничный аромат с нотками летнего солнца усиливался, когда Имбирный злился. Добавлялась горчинка и мускус в момент возбуждения. Одурманенная, неспособная справиться с острым желанием, я облизнула нижнюю губу. И не ответила, не издала ни звука. Просто смотрела, смотрела, смотрела, не сопротивляясь, но и не давая согла-

сия.

Я хотела этого мужчину больше, чем кого-либо раньше. И он это чувствовал.

Мне тоже нравились игры на грани. И мы оба дразнили друг друга, пока не собираясь заканчивать.

– Спускайся, как будешь готова, – Имбирный рывком оттолкнулся. – И поторопись. Я жду.

Поторопиться? Черт, да я вся горела, дрожала, едва не теряла сознание. Поторопиться?!

* * *

Кай развалился на диване, закинув скрещенные лодыжки на журнальный столик. Лениво щелкая пультом, перескакивал с канала на канал. Я забила в другой угол, подтянув под себя ноги, и уставилась на экран.

– Виски? – предложил беззаботно, как будто между нами ничего не произошло. Как будто полчаса назад не угрожал жестким сексом.

– Ой нет. С виски я завязала, – постаралась тоже как ни в чем не бывало, но получилось не очень, если честно.

– Текила? Ром?

Он дернул за щиколотки и опрокинул меня на спину. Дыхание сбилось. Порочные мысли опалили огнем. Пристроив ступни на коленях, начал разминать косточки. Вроде безобидно, но на всякий случай я попробовала освободиться. А зря. Все равно не позволил: прижал к плоскому животу.

– Не хочу.

– А что тогда? Тебе надо отвлечься, – в глазах плясали хитрые черти.

– Мне?!

– Хорошо. Нам.

– Водка, порно и котлеты, – вспомнила Вики и его кóмбо для соблазнения.

– Котлет нет. Водка есть.

– Порно не смутило?

– Порно... хм... Кого же оно смущает? – Ларс покосился на ложбинку между грудей и, нахмурившись, перевел взгляд на каминную полку. – Очень плохая идея. Вынужден отклонить.

– Бейлиса тоже нет?

– Иди посмотри сама, – ноги не отпустил – вцепился еще крепче.

– А тирамису?

– Зачем? – физиономия изумлённо вытянулась.

– Ни зачем. Комбо не разбиваем.

– А давай пиво, чипсы и настóлку?

– Ты совсем дурак, что ли? Я в настолку лет с шестнадцати не играла. В последний раз, кстати, на раздевание. Прогрывала. Часто.

– Кхм... – он прокашлялся. – Стриптиз не лучше, чем порно. Вынужден отклонить. Обойдемся пивом и чипсами.

Комбо мы не разбили – играли в карты на орешки. Ларсен жульничал.

Сволочь.

Сентябрь

– Собираюсь в город с ночевкой, – Кай отодвинул пустую чашку из-под кофе. – Хочешь присоединиться?

А кто бы не захотел? Я в глуши совсем одичала.

Магазины, салон (эпиляция, маникюр-педикюр, корни подкрасить), ресторан. Потом в клуб, а там может и соблазнить получится.

– Деньги у тебя будут, – не думала, что меня так легко просчитать. – У друга отель. Остановишься там. Если что – телефон есть.

– Как это *остановишься*? А ты?

– А я завтра вечером за тобой заеду.

Черт. Надо же так обломаться. Не страшно. Решила, что впереди еще времени много. Я настырная – как-нибудь уломаю.

По пути Имбирный пару раз отвлекся на сообщения. Принял звонок. Пробубнил невнятно, убавив звук в телефоне: явно не хотел, чтобы подслушала. И продолжил меня игнорировать.

Стало скучно. Конечно, у него-то смартфон, а у меня – доисторическая пискля. Знаете почему? Вбóроны сказали, чтобы *не отследили*. Ненадолго, но убедили.

Взяла счастье в свои руки. Улучив момент, прошагала

пальчиками по мускулистому бедру. Ларсен демонстративно кашлянул, скосился на кисть и переложил мне на колено.

– Ви, отвлекаешь.

– А чем мы займемся? – я и не собиралась сдаваться. Вернула ладонь на место.

– В Китай сгоняй. Пятнадцать минут на теплоходе, – решительно убрал руку.

– А у меня заграники нет, – мстительно сощурилась. Вернула ладонь на место.

– Ви, детка, – поднес ее ко рту и лизнул запястье, – пошевели мозгами, – оскалился в ухмылке. – Ты же умная девочка.

– Серьезно? Бросишь в незнакомом городе? – возвращать ладонь на место расхотелось. Кожа покрылась предательскими мурашками.

– Ты ж не собака, чтобы бросать. Развлекись. Отдохнем друг от друга.

– Ага, – я капризно надулась и уставилась в окно. – Отдохнем, твою мать.

Была бы умной, не вела бы себя как идиотка. Тонюсенское платье-комбинация мятного цвета. Изящные босоножки. Пудровый макияж.

Еще ни один мужик перед такой красивой мной не устоял. А тут...

Чертов Ларсен.

* * *

И вот мы въехали в город. Ну как, *город*. По сравнению с Москвой – облагороженная деревня. Мобильный Кая записывал. Пришло новое сообщение. Второе. Третье. Да сколько можно? Он помрачнел, выругался сквозь зубы. Поёрзал на сиденье, взглянул на часы, побарабанил по рулю пальцами. Отстучал ответ.

Припарковался около двухэтажного домика с вывеской «*Бутик-отель Таежный*».

– Посиди пока... маленькая болонка.

Заржал. Выскочил из машины, обогнул капот и стремительно направился ко входу.

Естественно, я вылупилась вслед. А зря. Жестоко, как фантиком перед ребёнком.

Брутальный лесоруб, высокий и сильный. Каштаново-карамельные пряди торчали из-под бейсболки козырьком назад. Суточная щетина. Авиаторы с коричневыми стеклами. Оливкового цвета штаны-карго, белая футболка. Клетчатая рубашка нараспашку. Рыжие рабочие ботинки. Старенькому и страшенькому цены бы не было. Отбивала бы ссылку спокойно.

В дверях возник крепыш лет сорока. Лысеющий, с внушительным пузиком и вторым подбородком. Вот. Идеальный кандидат для изгнания: никакого искушения. Метнулся, извлек из багажника мои вещички. Распахнул пассажирскую дверь и галантно предложил пухлую ладошку. Обворожительно улыбаясь, я вышла. Подхватила под локоть и пота-

щила внутрь. Мужик и не думал сопротивляться. Украдкой поглядывал, краснел и вздыхал.

– Ви, что не так? – сердитый окрик в спину застал врасплох. Сволочь. Мало ему?

– Все не так! Все!

Не удостоив Ларса пылающим взглядом, показала через плечо средний палец.

Достал. Надоело. Все эти *«любит – не любит, хочет – не хочет»* не для меня.

Ромашка увяла. Кривое зеркало рассыпалось в пыль.

Спасибо, милый. Ты был великолепен. Теперь свободен.

* * *

– Вань, вот скажи. У вас везде так тухло?

– Да нет. У нас чудесный город, – запинаясь от волнения, Иван вытирал носовым платком потный лоб. – Два музея, собор, памятники, кинотеатр... – вдруг его осенило. Расхрабрился, выпрямил спину и с гордостью сообщил. – Даже филармония есть.

– Ну, раз филармония... – я вполне уважительно прищипнула. – Нет, Вань. Мне бы что попроще. Салон красоты, – отгибала по одному пальцу из кулака, начиная с большого, – поесть, выпить, потанцевать. А там как пойдет. Можно мужика привести, если что?

– Не-ет. Кай не велел, – наивные карие глазенки вытаращились от изумления.

– Нет так нет. Значит, к нему поедем.

Только что оживившийся Ваня покраснел и грустно поник. Со тяжкими вздохами покопался в тумбочке и выудил потрепанный туристический буклет.

Салон, ресторан, парочка магазинов – все, как заказывала, но не впечатлилась. Зато в клубе оторвалась по-полной. Нашла приключение на шикарную задницу.

Едва устроилась в кабинке с коктейлем, подсел бизнесмен из Питера. Средних лет, но в прекрасной форме. Стильный и привлекательный. Выпили. Еще. И еще. Посмеялись, потанцевали. Распускал руки – уверенно запретила. Рано пока. Расстроился и свинтил покурить.

Заскучав, я уткнулась в свою писклю.

Я: *«Имбирный, ты освободился?»*

Кай: *«Нет».*

Я: *«А когда?»*

Прочитано. Пауза.

Кай: *«Не сегодня».*

Я: *«Я скучаю».*

Я: *«Тут мужики. Они пристают».*

Я: *«Я боюсь».*

Я: *«Забери меня, а то будет поздно».*

Я: *«Имбирный, ты где?»*

Я: *«Ты чего не отвечаешь?»*

Я: *«Имби-и-ирный?»*

Я: *«Я сейчас разозлюсь!»*

Я: *«Ну не будь козлом».*

Я: «Имбирный (((».

Прочитано.

Кай: «Ты где?»

Я: «В клубе».

Кай: «В каком?»

Я: «Не знаю».

Кай: «Спроси».

Кай: «Напилась?»

Пауза.

Кай: «Спросила?»

Пауза.

Поймала официанта. Не расслышала. Поймала второго.
«Сумеречная зона». Я бы назвала зоной отчуждения. Для позднего вечера пятницы людей было катастрофически мало.

Я: «Да».

Кай: «Что да?!»

Я: «Самую капельку.»

Кай: «... Название?!» (Вместо точек непечатное выражение. Обидное.)

Я: «Какая-то зона».

Кай: «Ви, я далеко. Ивану позвони».

Я: «Не хочу Ивану. Хочу тебе».

Не прочитано.

Я: «Имбирный? Ау-у?»

Не прочитано.

Я: *«Меня насилловать собираются. Внятером».*

Не прочитано.

Позвонила. Абонент не ответил.

Я: *«А я в лоскуты. Забери меня. Тебе жалко, что ли?»*

Не доставлено.

Я: *«Пошел на хрен!»*

Я: *«Пожалеешь!»*

Я: *«Прокляну!»*

Позвонила. Абонент вне зоны действия.

Бизнесмен вернулся, приволок набор шотов. Выпили на брудершафт. Осмелел, полез целоваться. Спустил бретельку с плеча. Начал лапать сиськи. Нет уж, пardonьте! Оттолкнула – его перекосило от злости. Благоразумно слилась в туалет.

Я: *«Имбирный, спасай! Ванин номер не записала».*

Доставлено. Прочитано. Пауза.

К черту всех. Попросила бармена вызвать такси. Собралась оставить хорошие чаевые. Вспомнила про сумочку. Пошатываясь, добрела до столика. Странно. Мир раскалывался калейдоскопом. В ушах шумело, как будто под мутным слоем воды. Жутко захотелось прилечь и поспать.

Выбралась на улицу, встряхнулась, чтобы сбросить дремоту. Поёжилась от пронизывающего ветра. И вдруг... тело перестало подчиняться. Подкосились колени. Голову как будто набили ватой. Автомобильные фары, от которых почему-то не могла оторвать взгляд, расплывались звездами.

Развели, как девчонку-малолетку. Тарханова мало было.

За спиной нарисовался экс-поклонник. Поволок к серому седану с потёками грязи. Запихнул на заднее сиденье. Задрал платье, стянул до коленей трусы. Липкими пальцами шарил в промежности, царапаясь ногтями. Я все осознавала, но сопротивляться не могла. Даже позвать на помощь. Язык распух и не ворочался. Зажмурилась до рези, чтобы не видеть гнусную рожу. От смеси запахов пота, спиртного, сигарет и туалетной воды мутило.

Яростный визг тормозов, грохот, дребезжание, ругань – подумала, что словила глюк. Меня сгребли в охапку, закинули на плечо и сгрузили в автомобиль.

Я узнала аромат. Ларсен.

Он обращался со мной намеренно грубо. Скрипел челюстями. Почти изрыгал огонь. Машина резко тронулась, разогналась, и меня затошнило. Сдавленно промычала, тыча пальцем в окно. Затормозил, рванулся, распахнул дверь, перегнул через порог. Намотал волосы на кулак и придерживал, пока желудок не опустел. Откинул сиденье, уложил, пристегнул. Я отключилась.

* * *

Кто-то безжалостно забивал в мозг тупые ржавые гвозди. Свинцовая тяжесть пригвоздила к кровати. По коже как будто ползали муравьи.

– Знаешь, Ви. Ты – мелкая заноза в заднице, – отдалось похоронным звоном в висках.

Я не пошевелилась. Неловко. Разило потом, алкоголем и

рвотой так, что щипало под веками.

– Хватит прикидываться.

Что ж. Разлепила ресницы и поморгала. Темнота. Полная. Ощупала матрас, отыскала жаркий рельефный пресс. Отдернула руку. Прошлую ночь помнила урывками. Все-таки изнасиловали? Стринги на месте, платья нет. Для быстрого секса не то что трусы снимать не надо – даже имя не спрашивают. Надеюсь, хоть приятно было.

Щелкнул выключатель светильника. Кай лежал на боку, опираясь на локоть, и смотрел в упор.

– Так ты?.. – выдохнула в ладонь, понюхала. Фу-у-у. Во-няло. – Ты меня трахнул? – чихнула. – Ай! – пересохшая нижняя губа треснула посередине.

– Нет, я не трахнул.

– А кто трахнул? – в глотке першило. С трудом сглотнула слюну.

– Никто. Скажи спасибо.

– Спасибо. А за что?

Он мучительно застонал. Перекатился на спину, дотянулся до бутылки на тумбочке, отвинтил крышку и всучил мне. Я жадно присосалась к горлышку. Вода стекала по подбородку и шее на голую грудь.

– Ты ж мой герой, – вылакав больше половины, остальное пролив, аккуратненько поинтересовалась. – Имбирный, ты злишься?

– Пей. У нас водяное перемирие, – обменял пустую бу-

тылку на полную.

Вот скажите, мужики специально штаны на размер больше покупают? Чтобы эротично сползали вниз и держались на косточках. Чтобы плоский живот и мышцы клином. И что только не придет в голову с похмелья.

Остекленевший взгляд чудом сфокусировался на мягкой поросли над поясом и прояснился. Похмелье похмельем, но я плотоядно облизнулась, что не укрылось от Ларсена.

– Боже, до чего я докатился, – он с силой хлопнул ладонью по лбу, издав хриплый смешок. – Безумная женщина порушила планы. А я, вместо того чтобы придушить, смотрю на торчащие соски и возбуждаюсь, как подросток с посиневшими яйцами.

– Так в чем проблема? Хочешь – бери, – я подползла ближе и прильнула к нему. – Я не против.

– Ви, – Имбирный тактично прикрыл углом одеяла нос, – чего ты добиваешься?

– Тебя, – скользнула рукой вниз и накрыла выпирающую ширинку. – А ты?

Кай напрягся и отстранился. Сжал кулаки, как будто оставливал сам себя.

– Хочу. Тебя. Во всех смыслах, но после ду́ша.

– Во всех позах? – в душ я и так собиралась. – Кстати, я Камасутру изучила...

– Ви, хватит, – сказал как отрезал. – Хочу на тебе жениться.

– Ты совсем дурак, что ли? – ласково охладила пыл горячего полунорвежца.

Не ожидала от него подобной бесчеловечности. Я и «за-муж»? Ну вы понимаете.

– Был бы дурак – не влюбился, – очертил тыльной стороной кисти овал лица. – Рано или поздно ты станешь моей. Я терпеливый.

Ой нет.

Другая бы умилилась и растеклась лужицей. Другая – да, но не я. В горле встал ком, рот наполнился желчью. Я метнулась стрелой в ванную и скрючилась над унитазом. Как по мне, вполне адекватная реакция на признание в любви и предложение.

– Ви, помощь нужна?

– Нет!!!

Размазывая сопли и слезы, на четвереньках доползла до двери и заперлась. Забралась в душевую кабину. Усевшись на пол, прислонилась спиной к стене и обхватила колени. В замкнутом помещении вонь усилилась. Замерзнув, кое-как вымылась. Обмоталась полотенцем. Вытерла запотевшее зеркало и застонала. Опухшая морда. Бледная сухая кожа. Белки с лопнувшими сосудами. Синяки на шее и на запястьях. Не впервой, конечно, но...

Щелкнул замок. Кай крепко обнял, уткнулся во влажные волосы.

– Имбирный, ну что опять? – я недовольно захныкала и

стукнула кулаком по мускулистому торсу.

– У тебя кто-то есть? – на отрицательное ворчание выдохнул с облегчением. – Тогда чего ты боишься? – мягко разогнул пальцы, один за другим. – Почему сопротивляешься? – приложил ладонь к сердцу и накрыл своей. – Почему не хочешь попробовать?

– В любовь с первого взгляда веришь?

– Верю. И я не шутил. Ждал тебя всю жизнь.

– Какой же ты подлый зануда. Аврорку когда трахал за стенкой, тоже меня ждал? А я ведь стучалась...

– Ви! – упертый баран, такой же как Вики.

– Послушай, Имбирный. Я не люблю людей. Всех. Ненавижу, когда ковыряются в душе. Ненавижу *«яжсетебедображелаю»*. Ненавижу бестолковые *отношения*, – выделила слово, чтобы наверняка дошло. – Ничего не...

– Такую и хочу. Вот такую как есть.

Зачем? Зачем эта пошлая романтика и танцы с сердечками?

– Хочешь меня? Вот такую как есть? Серьезно?

– Хочу.

– Без проблем. Либо секс, либо никак, – решительно скинула полотенце, не оставляя сомнений. – Вот я такая. Ну, давай.

Смочила ранку на нижней губе кончиком языка. Расстегнула пуговицу на джинсах, не без труда справилась с молнией. Засунула кисть в трусы. Кай зашипел, скрипнул зуба-

ми. На лбу выступила испарина.

– Значит, никак, – пронзительная зелень взбешенного взгляда пробрала до костей.

Он вынул мою руку. Отпрянул. Извлек из шкафа махровый халат, закутал меня и завязал пояс тугим узлом. Собрался что-то добавить, глубоко вздохнул. Поколебался, передумал, попятился к выходу.

– Халат не снимай. Туфли у кресла. Жду в машине.

Чертов Ларсен!

Ему мало моего тела. Ему нужно сердце.

Никто. Никогда. Не. Хотел. Меня. Так.

* * *

После того случая отношения изменились. Нет, мы не ша-рахались друг от друга, но легкость исчезла. К нелепому разговору больше не возвращались, но и не забывали. Вопросы висели в воздухе, отражаясь в изумрудных глазах, но так и оставались вопросами. Имбирный смотрел на меня честно, открыто, не притворяясь, без мольбы и тревоги. И ждал. Ждал, как и обещал, а мне по-прежнему было нечего ответить.

* * *

С утра настроение хуже некуда. На улице хмурая хмурость, дождливый дождь и ветреный ветер. Хотелось развлечься, побыть немножечко сухой, но не с кем. Скучала в кухне с третьей чашкой кофе подряд.

К счастью, на столе завибрировал мобильный Кая. Звони-

ла Аврора.

– А Кай в душе, – настала моя очередь позлорадствовать. – Он всю ночь так-о-о-о-е вытворял. Ой, а что ему передать? Ой, а кто это?

– Ты, безмозглая кукла, – деревенская тварь истерично взвизгнула. – Позови Ларса! Живо!

– Авророчка, это ты? Прости, не узнала, – затараторила, перескакивая с одного на другое, не позволяя вставить ни слова. – Ой, спасибочки! А я все понять не могла, почему... Ой, у меня план есть, как поумнеть. Полгода писала. Послушаешь? В общем так. Срочно выкраситься в брюнетку. Прямо чтобы черная-черная. Карие линзы вставить. Что еще? М-м-м... – задумчиво постукивала по губам указательным пальцем, чтобы не выйти из образа. – Так. Мозги. Ой, а ты не знаешь, где купить подороже? Нет? Жалко. Что еще? Ой, а я же на педикюр не записалась. Цвет лака надо поменять срочно, а то старый из моды завтра выйдет. Бли-и-ин, отвлеклась. Так. Кушать много. Нет, много кушать мало. Жрать надо. Размера три нажрать. Лучше пять. Ага. Подбородок двойной, жирные складки, пальцы-сосиски, ноги слонячьи. Так. Сиськи уменьшить. Нос расплющить. Знаешь пластика без опыта? Жадного. Под следствием. Нет? Жалко. Так. Три языка. И китайский. Кстати, не знаешь, коллекцию новую завезли? А то мне надо три платья купить. И белье. Прямо чтобы кружева. Кай любит. И... Ой, прости. Опять сбилась. Ага. Прочитать энциклопедию. Фу-у, скукотища, но надо. Ну на-

до же? Да? Ой, заболталась! Все, Авророчка, побежала. Надо до вечера все успеть. Чмоки-чмоки.

Чертова сука!

Со злостью отшвырнула телефон. Он проскользил по столешнице и с грохотом приземлился на пол. Выдохнула. Победно ухмыльнулась, допила остывший кофе. За спиной уловила придушенные звуки. Катерина стонала от смеха и промакивала слезящиеся глаза краем фартука. Кузьмич сипел и похрюкивал, вытирая багровую физиономию платком неопределенного цвета.

— Ну, девка. Ну, артистка, — только и смог выдавить, махая рукой.

А мне было не смешно. Совсем. Глупо, но я ревновала и завидовала. Завидовала, что не меня Ларсен тяжело вдавливал в постель. Не меня яростно целовал. Не в мое тело вбивался и хрипло кончал.

И, наверное, не будет. Потому что *«значит, никак»*.

* * *

Вот вроде бы умная (по крайней мере, мне более чем достаточно), но горы не обхожу — пру напролом. Без приключений вгоняюсь в уныние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.